

Государство в третьем тысячелетии

В книге Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна, анализирует стратегии, способные в третьем тысячелетии претворить в жизнь идею современного конституционного государства.

Он обосновывает, что граждане не должны более рассматриваться в качестве слуг государства, а наоборот, государства должны быть преобразованы в лояльные к гражданам обслуживающие компании, которые относятся к населению как к своим клиентам. Из собственных наблюдений за опытом проведения политических преобразований в Лихтенштейне он делает выводы для поиска новых возможностей проведения реформ.

Это первоклассная, оригинальная, четко аргументированная работа, прочитав которую вам захочется таких же преобразований в Украине.

Вступление

Прежде всего, я бы хотел поблагодарить тех, кто взял на себя труд прочесть мою рукопись и кому я обязан таким большим количеством исправлений, дополнений и предложений. Эта книга стала результатом длительного и тщательного изучения значения и цели государства. Я начал этот процесс, будучи еще студентом старших классов, о чем пойдет речь в первой главе, и сегодня, после моего ухода из активной политики, он до сих пор еще остается незаконченным.

Мой друг, профессор философии конституционного права, с которым я часто обсуждал свою рукопись, спросил меня, к какому типу книг будет относиться моя работа. Может быть, это будет трактат по философии конституционного права, политический манифест, мемуары или историческое произведение? Чем чаще я думаю об этом, тем больше мне кажется, что моя работа просто представляет собой кулинарную книгу из политических рецептов, которые на протяжении веков собирались моими предками и десятками лет накапливались мной самим. Я надеюсь, что эти рецепты помогут построить государство третьего тысячелетия, государство, которое принесет счастье как можно большему количеству людей. Как бы ни выглядели эти политические рецепты, одно я знаю точно: можно многое почерпнуть из политических рецептов прошлых веков и тысячелетий, но для того, чтобы соответствовать желаниям и потребностям человечества в третьем тысячеле-

тии, необходимы более современные рецепты. Для части населения нашей планеты эра демократии наступила только в конце второго тысячелетия. Будем надеяться, что в третьем тысячелетии демократия возобладает, будет сохранять главенствующую роль во всей дальнейшей истории человечества и не останется, как это уже случалось раньше, всего лишь ограниченным во времени и пространстве явлением, иначе говоря, незаметной деталью в истории.

Каким хотело бы человечество видеть государство третьего тысячелетия? Президент Кеннеди, с кем я, будучи еще молодым человеком, имел честь лично встретиться, в своем инаугурационном обращении в 1961 г. произнес: «Не спрашивайте, что ваша страна делает для вас, спросите, что вы можете сделать для своей страны». Как молодой человек, идеалист по натуре, я был в то время убежден в верности этого утверждения. Сегодня я, может быть, и не потерял веру в свои идеалы, но десятилетия опыта в области национальной и международной политики, которые включают в себя годы работы в качестве главы небольшого, но современного демократического государства, убедили меня в правильности противоположного утверждения: *не спрашивайте, что гражданин может сделать для государства, но спросите, что государство может сделать для гражданина лучше, чем любая другая организация*. В данном случае такой организацией могут быть община, международная организация или частная компания. В этой книге я хотел бы объяснить, почему традиционное государство как монопольная корпорация не только представляет собой корпорацию неэффективную, с низким коэффициентом «цена–производительность», но, что еще более важно, становится тем большей угрозой для человечества, чем дольше оно существует.

Критический подход к истории человечества, особенно к истории XX века, раскрывает государство как действительную угрозу жизни и свободе индивида. С учетом этого легко по-

нять тех, кто не признает никакую форму государственного порядка. Желает ли человечество третьего тысячелетия жить в государстве? Разве возможно в итоге реализовать на практике утопию об обществе вне государства? Отрицание любой формы государства широко известно под греческим словом *anarchia* («анархия»), которое изначально обозначало миролюбивое движение, в основе которого лежала идея частной собственности. Однако анархисты, скорее всего, не обратили достаточного внимания на то, что для существования частной собственности необходимо верховенство права. Без государства господство права, которое должно распространяться на каждого, чрезвычайно трудно реализовать и практически невозможно поддерживать его существование какое-либо продолжительное время.

В конце XIX века отдельные анархисты оказались под влиянием социалистско-коммунистической идеологии, которая отрицала идею частной собственности и пропагандировала насилие. Целью коммунизма было создание общества без классов и без государства. Во время переходного этапа эта цель должна была достигаться посредством диктатуры пролетариата. В результате возникало тоталитарное государство, в концентрационных лагерях которого было уничтожено людей намного больше, чем в более известных нацистских концентрационных лагерях. По оценкам, только в одном Советском Союзе по политическим мотивам были убиты до 20 млн человек, а в Китае это число может достигать еще больших значений. Эксперимент в Камбодже с так называемым коммунизмом каменного века, предположительно, стоил жизни трети камбоджийского населения. Даже если эти числа являются преувеличенными, они в любом случае превышают 6 млн – число жертв концентрационных лагерей национал-социализма.

Можно поспорить, что существует, по меньшей мере, теоретическое различие между национал-социализмом и комму-

низмом. Если человек был рожден евреем, то он не мог изменить свою национальную принадлежность и был обречен на гибель в концентрационных лагерях нацистов. Если же кто-то рождался классовым врагом, то у него была, по крайней мере, теоретическая возможность стать последователем коммунизма и социализма. Социализм и коммунизм, таким образом, идеологически ближе стоят к мировым религиям, чем национал-социализм, однако в политической реальности различие было незначительным. Тем, кто был рожден классовым врагом, только в редких случаях выпадал шанс изменить свой классовый статус. Но даже принятие коммунизма и социализма во времена таких диктаторов, как Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот, не давало никакой гарантии, что человек не закончит свою жизнь в концентрационном лагере.

Если бы в третьем тысячелетии человечество смогло превратить все государства в компании, оказывающие людям услуги на основе прямой и представительной демократии и права на самоопределение на местном уровне, подобно тому, как это описывается в данной книге, то такой результат можно было бы считать огромным успехом. Держателями акций в такой компании, «государстве-компании», были бы его собственные граждане, которым государство выплачивало бы прибыль в той или иной форме, что описывается далее, в главе 10.

Разумеется, какой-нибудь анархист может возразить, что монарх, принадлежащий к семье, которая на протяжении столетий стояла во главе государства, в принципе не может выступать за отмену государства. В ответ я хотел бы заметить, что князья Лихтенштейна не получают вознаграждения за свою деятельность в качестве глав государства ни со стороны государства, ни от его налогоплательщиков. Все расходы короны, в противоположность большинству других существующих монархий, покрываются за счет частных фондов князя или его Дома. Действительно, деятельность главы государства

имеет отдельные выгодные стороны и определенные преимущества, однако такая деятельность — скорее препятствие для счастья, чем необходимость, не в последнюю очередь из-за обязанностей, которые необходимо нести, и ожиданий, которые не могут быть реализованы.

Как убежденный демократ, приверженный такой форме демократии, которая выходит далеко за пределы того, что сегодня считается нормой, я предлагаю свою книгу всем тем, кто не обладает ни временем, ни желанием читать многостраничные трактаты по политологии. У политиков редко хватает времени на это, за исключением случаев, когда они только что проиграли выборы. Поэтому я попытался написать небольшую, простую для понимания книгу без указания ссылок и опуская излишнюю предысторию событий.

Другой причиной, по которой сноски были опущены, стал тот факт, что сегодня для меня было бы затруднительно отследить источники, из которых я на протяжении десятилетий получал информацию. Несомненно, она была почерпнута из огромного количества книг и статей, которые я прочел, из многочисленных бесед с учеными из различных научных сфер, а также политиками как национального, так и международного уровней. Таким образом, в главе 1 я ограничился изложением своего личного опыта, который сформировал мою концепцию государства. Я имел возможность взглянуть на государство с различных точек зрения: как глава государства; как политик, перед которым стояла задача выиграть референдум в условиях прямой демократии; как бизнесмен, который ведет дела не только в своем государстве, но и на других континентах; и как историк-любитель, очарованный эволюцией человечества и влиянием военных технологий, транспортных сетей и экономики на размеры государств. В главах 2–9 я определяю те силы, которые, по моему убеждению, влияли на историю человечества в прошлом и, с большой веро-

ятностью, это влияние будет продолжено в будущем. Они включают в себя, в частности, религии, идеологии, военные технологии, экономику и транспортные системы. Некоторые читатели могут подумать, что посвящать более ста страниц истории человечества недостаточно, другие, наоборот, могут счесть это чрезмерно длинным описанием.

Читатели, менее заинтересованные в истории, могут пропустить главы с 1 по 9 и сконцентрироваться на главах с 10 по 13. В них содержится объяснение предложений о том, каким образом сделать традиционное правовое демократическое государство более демократичным и эффективным. Я также рассматриваю возможные стратегии реализации идеи мирового демократического правового государства в третьем тысячелетии. Целью третьего тысячелетия должно являться превращение всех государств в миролюбивые компании, оказывающие услуги всему обществу. Человечество более не должно служить государству, и его существованию не должны угрожать войны или какие-либо иные действия государства. Достижение этого стало целью проекта Конституции государства третьего тысячелетия, который помещен в приложении к книге и прокомментирован в главе 11.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	1
1. Право на самоопределение – личное убеждение	7
2. Происхождение государства	27
3. Роль религии в формировании государства	33
4. Размеры государств и влияние военных технологий	49
5. Монархия, олигархия, демократия	71
6. Американская революция и представительная демократия	91
7. Швейцарская конституция 1848 г. и путь к прямой демократии	99
8. Конституционная реформа Лихтенштейна 2003 г.	109
9. Недостатки традиционной демократии	121

10.		
Государство будущего		133
10.1		
Правовое государство		141
10.2		
Социальное государство		167
10.3		
Образовательная система		181
10.4		
Транспортная система		187
10.5		
Государственные финансы		195
10.6		
Национальная валюта		207
10.7		
Другие государственные функции		225
11.		
Конституция государства будущего		231
12.		
Стратегии построения государства будущего		239
13.		
Видение третьего тысячелетия		269
Приложение:		
Проект Конституции государства в третьем тысячелетии		277
Алфавитный указатель		299

12. Стратегии построения государства будущего

Критика существующих систем общественного устройства и разработка систем более совершенных — процесс увлекательный и приносящий известное интеллектуальное удовлетворение. Чтобы построить более совершенную систему, необходима стратегия, а порой несколько стратегий, руководствуясь которыми возможно совершить переход от более примитивной системы А к более совершенной системе Б. Необходимо принять во внимание и тот факт, что многие люди являются узниками существующей системы и боятся ее изменять, поскольку любое такое изменение может нести с собой непредвиденные риски.

Несмотря на мои критические замечания о политических деятелях, читатель не должен забывать, что все эти политические деятели — узники существующей политической системы даже в большей степени, чем другие граждане. Они выросли в этой системе и в этой же системе построили свои политические карьеры. Если политики восстают против политической системы, они обычно оказываются из нее исключенными. Только в отдельных случаях, обычно во время политических кризисов, отдельный политический деятель или группа таких деятелей могут осуществить коренные преобразования в системе. Моя семья также была и остается частью

этой политической системы. Мы представляем монархию в маленьком Княжестве Лихтенштейн; наша семья была частью политической олигархии Священной Римской империи, а позже мы остались, в той или иной степени, частью олигархической системы Европы.

Для построения государства будущего необходимы, по крайней мере, две стратегии. Первая стратегия может быть взята на вооружение существующими правовыми демократическими государствами, в которых население имеет некоторое влияние на будущее страны, по крайней мере, косвенно, через избрание парламента. Вторая стратегия представляется подходящей для тех государств, в которых народ не обладает влиянием на будущее страны даже посредством таких выборов.

Стратегия демократических государств проста, по крайней мере, в теории. Во-первых, необходимо убедить большинство людей в необходимости реформирования политической структуры государства, после чего избранные политические деятели должны приступить к выполнению пожеланий своего народа. В действительности, конечно же, это не настолько просто. В большинстве случаев люди не слишком интересуются политикой, равно как и готовность политических деятелей выполнять пожелания народа весьма ограничена.

Существующая система представительной демократии дает политической олигархии те преимущества, которые они могли бы полностью или частично потерять, если бы предложенные в настоящей книге новшества были реализованы. Как в случае старой аристократии, в настоящее время принадлежность к политической олигархии, как правило, гарантирует, что олигарх, потерявший источник дохода и бывшее влияние, не потеряет всех своих привилегий. Прежде это обеспечивалось отношениями между знатными семьями, но сегодня эту задачу приняла на себя сеть политических партий. В отсутст-

вие непосредственной демократии и права на самоопределение на уровне местных общин представительная демократия остается демократией управляемой. Ею управляет олигархия, которая сменила покров религиозной легитимности на покров легитимности демократической.

На выборах люди могут выбирать лишь между черным, красным, зеленым или синим покрывами. Если ни одна партия на выборах не получает абсолютное большинство, партийная олигархия самостоятельно выбирает цветовую комбинацию. Чем меньше идеологические разногласия между партиями и чем более прагматично их руководство, тем легче выбрать сочетание цветов. Как и в былые времена аристократического правления, одна из главных целей состоит в том, чтобы сохранить власть и привилегии в пределах партийной олигархии.

Тем не менее история знает примеры граждан, внезапно заинтересовавшихся политическими проблемами и вызвавших изменения в политической системе. В таком случае тот факт, что основные принципы новой конституции уже разработаны и могут быть предметом обсуждения, является несомненным преимуществом. Я надеюсь, что эта книга окажется хотя бы немного полезной, если в будущем в том или ином государстве будет иметь место подобная ситуация. Обсуждение должно сначала сосредоточиться вокруг вопроса о прямой демократии. Отказ от непосредственной демократии сразу же означает отказ от предложенной модели государства третьего тысячелетия, поскольку без непосредственной демократии едва ли возможно превратить государство старого образца в компанию, предоставляющую услуги своему населению.

Не только политические деятели, но также и некоторая часть населения отклоняет идею непосредственной демократии, исходя из совершенно искреннего убеждения, будто

большинство не обладает ни интеллектуальными, ни личными качествами, необходимыми для принятия решений о будущем государства, а потому такие решения должны приниматься олигархией или монархом – не важно, избранным или нет. Подобное мнение достойно уважения, но, с точки зрения логики, его сторонники должны также отказаться и от идеи косвенной демократии. Опыт показывает, что обычно куда легче принять фактическое решение, чем брать на себя решение кадрового вопроса, особенно если такой кадровый вопрос касается малоизвестного политического деятеля и партийной программы, которая может состоять главным образом из пустых обещаний. Если признать, что среднестатистический гражданин обладает недостаточным интеллектом для того, чтобы принять решение о повышении или понижении налогов, непосредственно затрагивающее его, то не стоит обременять того же самого гражданина и институтами представительной демократии. В итоге мы приходим к просвещенному абсолютизму, при котором монархи или президенты, а вместе с ними и олигархия, принимают решения «на благо народа». Сомнительно, чтобы в долгосрочной перспективе такая партийная программа была достаточно убедительна для того, чтобы одержать победу на выборах в государствах с представительной формой демократии.

Те же, кто убежден в преимуществах прямой демократии, должны сначала попытаться убедить государственных деятелей изменить конституцию таким образом, чтобы народ получил право на прямую демократию в тех государствах, в которых в настоящее время действует лишь представительная демократия. Подобный сценарий возможен практически во всех демократических государствах, за исключением Швейцарии и Лихтенштейна. Однако это не так просто. Ведущие политические деятели скептически относятся к идее укрепления непосредственной демократии даже в государствах, в которых такие институты уже существуют. Это понятно, потому что

непосредственная демократия ограничивает власть ведущих политических деятелей в государствах, основанных на олигархическом правлении.

Если сопротивление существующих партий будет слишком упорным, сторонники непосредственной демократии должны будут задуматься об учреждении их собственной партии. В большинстве государств учреждение новой партии является весьма сложным, длительным и дорогостоящим процессом, требующим также значительного терпения. Тем не менее не слишком вероятно, чтобы вновь учрежденная партия в течение короткого времени стала партией большинства, рано как в этом нет особой необходимости. Достаточно доказать существующим партиям, что многие избиратели хотят усиления демократии. Партии «зеленых», действующие во многих странах, – хороший пример. В течение долгого времени проблемы охраны окружающей среды мало заботили старые партии. Это продолжалось до того момента, когда относительно небольшое количество голосов, отданных за партию «зеленых», привело к переоценке проблемы. Влияние партий «зеленых», даже если они являются маленькими и не представлены в правительстве, гораздо больше их размера и простирается далеко за пределы этих партий.

Кроме работы с политическими партиями работа со СМИ также является важной составляющей. СМИ должны быть естественными союзниками непосредственной демократии. Непосредственная демократия предоставляет СМИ возможность поднимать политические вопросы, обсуждать возможные пути решения проблем и даже претворять эти решения в жизнь их посредством голосования на референдуме.

Читатель может быть удивлен тем, что до сих пор СМИ не были затронуты в этой книге, несмотря на то, что они играют такую важную роль в демократическом правовом го-

сударстве. Главная причина состоит в том, что государство в будущем не должно быть вовлечено в деятельность СМИ. Государственная радиостанция и телевидение, равно как государственные субсидии средствам массовой информации, предоставляют политическим деятелям возможности влияния на информационное пространство. Государство должно ограничить свою деятельность в этой связи установлением правовых рамок, в пределах которых могут работать СМИ. Это включает в себя защиту частной жизни, а также право потребовать опровержения ложных сведений в течение разумного времени и в разумной степени.

Критика многих СМИ за низкий интеллектуальный и нравственный уровень их содержания, конечно же, оправдана, но СМИ являются зеркалом нашего общества. СМИ сообщают в основном то, что общественность хочет прочесть, услышать и увидеть: сенсации, развлечения, сплетни, секс и преступления. Мы должны смириться с тем, что большинство СМИ развлекают, а не предоставляют информацию. К сожалению, существуют СМИ, которые намеренно сообщают ложную информацию, если это соответствует их целям, часто это делается по политическим и коммерческим причинам. Обычно трудно получить от СМИ опровержение, не будучи вовлеченным в долгую череду судебных процессов. Я знаю это по личному опыту, поскольку сам оказывался жертвой публикации ложных сведений. Это несколько печальная ситуация, однако она все же лучше, чем если бы СМИ были под строгим контролем со стороны государства и политических деятелей. Непосредственная демократия и политическая децентрализация могли бы привести к более высокому разнообразию в средствах массовой информации. По крайней мере, Швейцарии и Лихтенштейну такое разнообразие присуще в большей степени, чем более крупным, политически централизованным государствам с представительной демократией.

Политическое развитие в демократических странах в течение последних нескольких десятилетий показало, что прямая демократия медленно, но верно укрепляет свои позиции. Кажется, что люди желают больше демократии, а политики не в состоянии полностью избежать этой тенденции, даже если они обычно успешно ограничивают прямую демократию. Укрепление тенденции развития прямой демократии будет являться задачей всех демократов в тесном сотрудничестве с политическими деятелями, партиями и средствами массовой информации.

Предпринимать следующий шаг к строительству государства будущего имеет смысл лишь тогда, когда первая битва за прямую демократию будет выиграна. Эта книга может лишь в общих чертах обрисовать, как должно выглядеть государство будущего. Государства, желающие предпринять такой шаг, должны будут собрать команду экспертов с опытом в различных сферах, которые разработают конституцию, уважающую пожелания общин и традиции. Государства и народы отличаются друг от друга. То, что хорошо работало в одном государстве, может быть не лучшим решением для другого государства. Народ Княжества Лихтенштейн желает, чтобы формой правления оставалась наследственная монархия, тогда как народ соседней Швейцарии склоняется к республике. Когда в 2000 г. я учредил Лихтенштейнский институт по изучению самоопределения при Принстонском университете, я лелеял надежду, что когда-нибудь в будущем этот институт будет в состоянии оказывать консультационную поддержку всякий раз, когда будут разрабатываться подобные концепции. Уже сегодня институт под руководством профессора Вольфганга Данишпектрубера имеет отличный преподавательский состав и научных сотрудников, а также международную сеть признанных экспертов, имеющих различное географическое и культурное происхождение, которые могут оказать значительную помощь при разработке таких проектов.

Для построения государства третьего тысячелетия недостаточно только разработать конституцию, необходимо также, чтобы законы были приспособлены под различные юридические и административные «измерения». Многие законы, действенность которых подтверждена опытом многих государств, могут быть приняты с незначительными изменениями, тогда как другие законы должны быть полностью переписаны. Лихтенштейнский институт по изучению самоопределения может разработать подобные проекты с помощью преподавательского состава, студентов и экспертов. Институт также приветствует мысли и замечания относительно концепции государства будущего, проекта конституции, а также проектов отдельных законов, обсуждаемых в этой книге (просьба направлять их по адресу: Liechtenstein Institute on Self-Determination, Bendheim Hall, Princeton, New Jersey 08544, USA; e-mail: lisd@princeton.edu).

В распоряжении демократического государства находится большинство механизмов, посредством которых оно может быть мирным образом и без революций преобразовано в обслуживающую компанию, которая оказывает услуги населению, а не политикам. Сложнее дела обстоят с теми государствами, в которых отсутствуют указанные демократические механизмы, а также с государствами, в которых такие механизмы лишь прописаны на бумаге, а сами такие государства называют себя демократическими и конституционными, лишь поскольку это целесообразно. Германская Демократическая Республика, например, называлась демократией, будучи, фактически, тюрьмой. Когда двери этой тюрьмы распахнулись, население стало убегать из самопровозглашенного рая рабочих и крестьян.

В прошлом, определяя линию поведения по отношению к диктатурам, демократические государства часто руководствовались политическим реализмом или оппортунизмом.

Во многих случаях самые серьезные нарушения прав человека никоим образом не нарушали тесного взаимодействия между этими государствами. Наоборот, такие нарушения зачастую отрицали или закрывали на них глаза. Политики левого толка и подконтрольные им СМИ замалчивали нарушения, совершенные лояльными им диктаторами, тогда как их коллеги правого толка замалчивали аналогичные преступления, совершенные диктаторами правого лагеря. Демократические государства осуществляли военные операции против диктатур только после того, как последние нападали на другие государства, как, например, в случае войны против Третьего рейха Гитлера или против Ирака, руководимого Саддамом Хусейном. Также имел место ряд военных операций против диктаторских государств в случае серьезного нарушения прав человека, таких, как убийство или депортация больших групп населения, имевшее место, например, в бывшей Югославии. Во многих других случаях, когда военное вмешательство было возможным, демократические правовые государства занимали выжидательное положение и наблюдали, особенно в случае с Африкой, или ожидали настолько долго, что спасение тысяч невинных жизней уже не представлялось возможным.

Необходимо также помнить, что Соединенные Штаты многократно применяли военную силу в Латинской Америке как до, так и после Второй мировой войны, обычно преследуя цель свержения диктатуры и насаждения представительной демократии по американскому образцу. Практически все эти попытки оканчивались сокрушительными неудачами, и некоторые коррумпированные олигархии и диктаторы возвращали себе власть.

В случаях серьезного нарушения прав человека или геноцида конституционные демократии должны определиться, когда необходимо не вмешиваться, выжидать, а когда — осуществлять вмешательство. В мире глобализации и информа-

ционных технологий, характерной чертой которого является множество личных связей, возникших в результате развития туризма, международной торговли, вовлеченности в сферу обслуживания и т.д., политическим деятелям демократических правовых государств становится все сложнее занимать выжидательную позицию и ничего не делать. Семьдесят лет назад еще было возможно отправить еврейских беженцев обратно на родину, где их жизням угрожала опасность. Сегодня беженцы также могут быть отправлены обратно в Африку или Азию. Но надолго ли? С одной стороны, давление общественного мнения в пользу спасения этих людей становится все более настойчивым в результате глобальной интеграции средств массовой информации и наличия множества личных отношений по всему миру. С другой стороны, до сих пор отсутствует хоть сколько-нибудь успешный способ превращения диктатуры в демократическое, правовое и экономически успешное государство при помощи военной интервенции.

Успешное превращение Германии и Японии в конституционные демократические государства с системой представительной демократии и развитой рыночной экономикой, происшедшее после окончания Второй мировой войны, представляет собой известное исключение, подтверждающее правило. Не трудно упустить из внимания тот факт, что до начала мирового экономического кризиса, когда национал-социализм и национализм одержали верх, Германия и Япония уже являлись правовыми государствами с системой представительной демократии и более или менее успешной рыночной экономикой. Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., спровоцировал волну национализма, который утопил свободный рынок в протекционизме. Мировая торговля пришла в упадок, а экономический кризис усилился. На фоне других крупных государств Германия и Япония особенно пострадали, поскольку они обладали относительно небольшими запасами природных ресурсов и зави-

сели от торговли в большей степени, чем остальные крупные государства. У них не было колоний, а националистическая идеология требовала ведения завоевательных войн для того, чтобы стать независимыми от внешней торговли.

После военной победы союзники восстановили политические системы Германии и Японии, более или менее, в том виде, в каком они были представлены до установления в них националистических диктатур. К сожалению, последующие военные вмешательства и процесс деколонизации были, за редким исключением, куда менее успешны. В конце концов, коррумпированные диктаторы и олигархии вновь приходили к власти и разрушали зачатки демократии, правового государства и рыночной экономики обещаниями построить «рай на земле», подкрепленными националистическими или социалистическими идеологиями. Поскольку по окончании Второй мировой войны традиционные демократические государства также были заражены идеологиями национализма и социализма, тогда, как и сейчас, всем прописывалось одно и то же «лекарство», а именно система представительной демократии, которая должна была также создать «рай на земле». Это сравнимо с тем, как если бы врач прописывал своим пациентам одно и то же лекарство на протяжении нескольких десятилетий, несмотря на то, что в 90% случаев его применение вызывает летальный исход, а шансы на выздоровление составляют менее 10%. Такой врач был бы не только давно исключен из врачебного сообщества, но и привлечен к ответственности, вплоть до уголовной.

Традиционные правовые демократические государства должны принять тот факт, что их «лекарство» на протяжении десятилетий оказывалось в большинстве случаев ядом. Но, с другой стороны, необходимо также признать, что имеются «пациенты», мимо которых просто нельзя пройти мимо. Если народ демократического государства может спокойно наблю-

дать по телевидению массовые убийства людей, происходящие в другой стране, и при этом не требовать осуществления военного вмешательства, то это повод для волнения по поводу ситуации в самом таком демократическом государстве. Возможно, те же люди останутся непричастными наблюдателями и в случае, если в их государстве будет уничтожаться непопулярное меньшинство? В мире глобализации необходимо отдавать себе отчет в том, что население демократических государств будет только усиливать давление на государственных деятелей для вмешательства в те государства, где происходит депортация, угнетение или уничтожение людей. И сострадательных речей, молитв и отдельных санкций, которые не приносят никому вреда, в долгосрочной перспективе будет явно недостаточно. Равно как не будет приемлемым решение просто принять всех беженцев.

В идеале, правовые демократические государства должны прийти к соглашению в рамках ООН относительно того, при каких условиях государство — член ООН может быть подвергнуто военному вмешательству и каким образом можно обеспечить, чтобы после такого вмешательства появилось экономически состоятельное демократическое государство, следующее принципу верховенства права. Такое государство не будет являться источником политических и экономических беженцев. Возможно, я слишком пессимистичен, но в ближайшем будущем подобная концепция вряд ли будет разработана под эгидой ООН.

В этой связи я хочу предложить альтернативу, пусть и несколько спорную, которая могла бы привести к успеху. Я делал политически спорные заявления с тех самых пор, когда был еще студентом, и продолжил эту тенденцию во время моего нахождения на посту главы государства. Поэтому теперь, после ухода из политики, я не боюсь спорных утверждений. Опыт подсказывает мне, что противоречивые дискуссии

очень часто приводят к лучшему результату, чем чрезмерная дипломатичность в споре. Если кто-то предложит лучшее решение этой проблемы, тем лучше для всех.

Если реалистично посмотреть на вещи, только Соединенные Штаты как единственная оставшаяся сверхдержава обладают военными, финансовыми и политическими возможностями, необходимыми для осуществления крупномасштабных военных операций за ограниченное время. Так, в Ираке США показали, что за ограниченное время способны успешно осуществить военное вмешательство в весьма тяжелых условиях. С военной точки зрения, США не нуждались в союзниках. В действительности, они, по-видимому, только усложнили операцию. Стремительный прогресс военных технологий может существенно затруднить координацию вооруженных сил из различных государств. В этой связи, существует множество аргументов в пользу того, чтобы оставить реализацию чисто военной части такого вмешательства Соединенным Штатам. Другие демократические государства могли бы сконцентрироваться на послевоенном преобразовании такого государства в политически и экономически успешную страну.

Это бы означало, что правительство США самостоятельно будет принимать решения о проведении крупных военных вмешательств, но в действительности это происходит уже сегодня. Практически все демократические правовые государства, обладающие возможностями по проведению военной операции, в той или иной степени зависят от США в части военных технологий, разведки, транспортировки. Демократическому правовому государству становится все труднее осуществлять военное вмешательство против другой страны помимо воли США. Не далее, чем в 1956 г., Великобритания, Франция и Израиль осознали это, когда оккупировали Синайский полуостров и Суэцкий канал. Под давлением со стороны Америки они были вынуждены отступить.

Поскольку правительство США самостоятельно определяет, когда, где и каким образом необходимо провести ту или иную вооруженную операцию, я воздержусь от лишних слов на эту тему. Тем не менее военное вмешательство, осуществленное Соединенными Штатами, будет означать успех в долгосрочной перспективе лишь в том случае, если впоследствии возможно создать функционирующее правовое демократическое государство. В этой связи можно посоветовать Соединенным Штатам заранее достигать соглашения с другими демократическими государствами по вопросам того, в каких условиях должна проводиться операция, а также относительно того, что должно произойти непосредственно по ее окончании. Для диктатур, ни во что не ставящих права человека, такое соглашение и его публикация действовало бы в качестве средства устрашения. Указанные диктатуры были бы вынуждены считаться с возможностью автоматического (в определенной степени) проведения вооруженной операции и последующего преобразования их страны в демократическое правовое государство в том случае, если те допустят серьезные нарушения прав человека.

Имеются убедительные причины для отделения военного вмешательства в такие государства, как Ирак, от прочих задач. В значительной степени механизированные американские вооруженные силы обучены и укомплектованы таким образом, чтобы с минимальными потерями и в минимальные сроки уничтожить вооруженные силы противника, занять территорию и достичь поставленные перед ними тактические и стратегические цели. Как показывает история, даже если поначалу население встречает такую армию как освободительную, все равно иностранные вооруженные силы не обучены и не укомплектованы для поддержания закона и порядка или построения демократического правового государства и эффективной экономики, интегрированной в мировую экономику. Поэтому Соединенные Штаты должны как можно скорее

после успешного окончания боевых действий вывести свои войска из зоны операции, передав решение прочих вопросов своим более подготовленным для этого партнерам.

Таким партнером мог бы стать Европейский союз. Почти все бывшие колониальные державы являются в настоящий момент членами ЕС. Через посредство этих бывших колониальных держав Европейский союз имеет в своем распоряжении обширную и разнообразную сеть контактов на всех континентах. В мировых масштабах Евросоюз является крупнейшим торговым блоком, а евро – вторая по значимости валюта после доллара. ЕС принял законы, позволяющие не только государствам – членам ЕС, но и третьим странам интегрироваться в Европейское экономическое пространство. Содержание множества небольших контингентов вооруженных сил в отдельных членах ЕС является весьма дорогим удовольствием, имеет сомнительное военное значение и, в той или иной степени, зависит от воли США. Вместо этого более подходящим решением было бы создание нового вида сил, которые были бы в состоянии преобразовать страну, подвергнушуюся военному вмешательству, в демократическое правовое государство после такого вмешательства.

Как должны выглядеть такие силы будущего? Они должны включать высокомобильные полицейские подразделения, которые бы могли начать поддержание законности и правопорядка сразу же после окончания боевых действий. Они должны быть укомплектованы вертолетами и беспилотными самолетами-разведчиками, чтобы контролировать территорию. Потребуются также люди, понимающие специфику зоны операции и владеющие языком местного населения. Одно подразделение должно заниматься подготовкой или переподготовкой местных полицейских сил. Полицейских, обученных еще при диктатуре, планируется переобучить, если предполагается их использование в правовом демо-

кратическом государстве. Если внешняя безопасность такой страны обеспечивается Соединенными Штатами и другими демократическими государствами, армия бывшей диктатуры может быть распущена. Армии являются для таких стран экономическим бременем, часто они несут в себе угрозу как внутренней политике молодой демократии, так соседям такого государства. Военнослужащие распущенной армии должны при этом сохранить возможность после достаточной переподготовки поступить на службу в полицейские силы. Это могло бы предотвратить безработицу среди бывших военнослужащих, которые обучены обращению с оружием и могут представлять собой потенциальный резерв для местных и международных террористических организаций.

Наравне с подразделениями полиции, призванными поддерживать законность и правопорядок, необходимо также иметь конституцию и законы, отвечающие демократическим и правовым стандартам. Это означает, что принятие новой конституции и план приспособления существующих законов к демократическим условиям должны разрабатываться еще до начала вооруженной операции. Выходцы из такого государства, имеющие юридическое образование, должны привлекаться в качестве советников. Во многих случаях таковыми являются лица, приближенные к оппозиции или находящиеся в изгнании. Поскольку оппозиция в изгнании изолирована и не отражает настроений народа, бывшие изгнанники не должны принимать окончательные решения по поводу принятия новой конституции или внесения изменений в существующие законы. Указанные решения должны находиться в компетенции ЕС или тех демократических государств, которые приняли на себя ответственность по поддержанию закона и правопорядка и перестраиванию существующей системы. При этом я не вижу причин скрывать новую конституцию и обновленные законы до принятия решения о военном вмешательстве. Наоборот, публикация указанных документов

могла бы увеличить политическое давление, оказываемое на диктатуру и направленное на проведение реформ.

При диктатуре государство берет на себя множество функций, которые в демократическом государстве передаются на местный или общинный уровень или вообще осуществляются частными компаниями. Конституция и законы, в этой связи, должны отвечать требованиям, предъявляемым к государству будущего, описанному в настоящей книге, поскольку одновременно поддержание правопорядка и достижение экономических успехов является весьма трудной задачей для молодой демократии. Для ее выполнения должны быть разработаны переходные положения. Собственность, изъятая государством, должна быть возвращена ее прежним владельцам. Если это невозможно, из доходов от приватизации государственного имущества должна быть выплачена компенсация.

Полиция, конституция и законодательство являются одной стороной конституционной демократии. Конституционное государство должно иметь систему независимых судов и хорошо подготовленных судей. Евросоюз, обладая известным культурным и языковым разнообразием, должен быть готов предоставить команду юристов, которые могли бы в течение нескольких лет выступать в роли судей или своего рода инструкторов для местных юристов. Для подобной команды юристов особенно важно неукоснительно следовать решениям высших судов. Даже самые лучшие конституции и законы могут быть лишены своей силы (как преднамеренно, так и по случайности) из-за неправильной судебной практики.

В дополнение к вопросам безопасности и юридического сопровождения, ЕС должен играть столь же важную роль в экономической стабилизации и развитии новой демократии. Одним из способов, посредством которых достижимы подобные стабилизация и развитие, является принятие молодого

го демократического государства в Европейскую экономическую зону (членами которой являются на настоящий момент все государства – члены ЕС, а также Исландия, Лихтенштейн и Норвегия). Такое решение позволило бы указанному государству получить свободный доступ на весь европейский рынок и гарантировало бы внедрение экономических регламентов ЕС. Эксперты из Евросоюза и Европейской экономической зоны могли бы в таком случае консультировать администрацию этого государства и осуществлять ее подготовку, необходимую для реализации этих регламентов. С экономической точки зрения, такой шаг был бы выгоден как для молодого демократического государства, так и для ЕС. Евросоюз получал бы при этом доступ на рынки данного государства без необходимости принимать его в состав ЕС, что, даже если было бы географически допустимо, вызывало бы политические затруднения и стоило бы Евросоюзу гораздо дороже из-за высоких субсидий сельскому хозяйству и другим отраслям.

ЕЭЗ предоставляет возможность нахождения разнообразных и гибких экономических решений. Княжество Лихтенштейн является членом Европейской экономической зоны, а Швейцария – нет, но Лихтенштейн находится в таможенном союзе со Швейцарией. Таким образом, продукция, соответствующая спецификациям ЕС, может свободно продаваться в Лихтенштейне, однако если она не соответствует спецификациям Швейцарии, ее нельзя экспортировать из Лихтенштейна в Швейцарию. С другой стороны, швейцарская продукция, которая не может экспортироваться в ЕС из-за несоответствия европейским спецификациям, может свободно продаваться на рынке Лихтенштейна. Возможность реализовывать на одном и том же рынке продукцию и услуги, соответствующие различным спецификациям, является более значительным фактором для государства, расположенного за пределами Европы, нежели для Лихтенштейна, поскольку ре-

гиональная торговля с государствами – не членами ЕС представляется наиболее важной.

Какова должна быть численность специализированных сил ЕС для построения демократического правового государства? Если взять для примера государство размером с Ирак, в котором проживает то же количество населения, для скорейшего восстановления правопорядка потребуется около 200 000 человек. Или 10 сотрудников на 1000 человек населения. Некоторые эксперты утверждают, что такая численность должна составлять 25 сотрудников на 1000 человек населения. Однако опыт показал, что даже оперативные силы в меньшем составе в пересчете на 1000 человек населения могут успешно применяться. Вероятно, успех зависит не столько от числа, сколько от политических целей, преследуемых операцией, от проводимой стратегии, руководства, подготовки и экипировки и, конечно же, от особенностей местности. Тем не менее поначалу лучше ошибиться и привлечь больше личного состава, чем это необходимо, как это было в Ираке, чем, наоборот, ошибиться в меньшую сторону.

При этом полиция должна быть наибольшей частью контингента. Однако ее численность может быть быстро снижена за счет формирования местных полицейских подразделений. Продолжительность пребывания других экспертов зависит от того, сколько времени потребуется на построение экономически успешного демократического правового государства. Суды также могут столкнуться с трудной проблемой осуждения преступлений, совершенных при прежнем диктаторском строе. Чтобы не потревожить старые раны, потребуется колоссальное чувство такта и крайне тонкое восприятие. В противном случае можно спровоцировать акты мщения и превратить бывших преступников в мучеников. В такой ситуации местное население, пожалуй, будет больше доверять объективности иностранных судей, чем судей старого режима.

Если сравнить рассматриваемый двухсоттысячный контингент сил специального назначения с вооруженными силами стран – членов ЕС, куда более многочисленными и дорогостоящими, становится понятно, что такие силы с финансовой и человеческой точек зрения будут менее обременительны, но при этом будут оказывать намного больше положительного влияния на современный мир. В дальнейшем расходы могут также быть снижены посредством набора личного состава таких сил из стран третьего мира. Дополнительным преимуществом здесь является то, что, когда выходцы из стран третьего мира вернутся к себе на родину, у них за плечами уже будет хорошая подготовка, а это немаловажно. Планируется, что состав рассматриваемых сил будет интернациональным, набранным, если это возможно, в основном из числа жителей тех регионов, в которых они, скорее всего, будут применяться. Рабочим языком должен быть английский, хотя бы потому, что потребуются тесное взаимодействие с Соединенными Штатами. Поскольку оперативные силы будут осуществлять задачи в различных регионах, важную роль играют языковые навыки: в идеале, каждый член личного состава оперативных сил должен владеть, по крайней мере, одним языком, помимо английского.

Что бы изменилось, если бы такие силы были использованы, например, в Ираке? За несколько лет до проведения операции были бы разработаны и новая конституция, и обновленное законодательство, более того, они могли бы быть опубликованы. Беженцы из Ирака могли бы быть приняты на службу и обучены в качестве полицейских, судей и юристов. В начале военной операции специализированные силы ЕС могли бы взять под контроль области, освобожденные американскими вооруженными силами, для установления в них законности и порядка. Население могло бы быть проинформировано средствами массовой информации и через листовки о своих правах и обязанностях, включая права и обязанности

по отношению к вооруженным силам Соединенных Штатов и полицейским силам ЕС. Если Европейский союз хочет сформировать демократическое государство, ему необходимо наделить население теми же правами, которыми наделен собственный народ с тем, чтобы избежать злоупотреблений со стороны европейской полиции и американской армии.

В тех зонах, которые контролируются ЕС, население должно быть незамедлительно зарегистрировано, должны быть выданы защищенные от подделок удостоверения личности, содержащие обычную в таких случаях личную информацию, включая место проживания. А по окончании боевых действий как можно раньше необходимо провести местные выборы в наиболее безопасных районах. Такие местные выборы важны в качестве первого шага, потому что стабильная и работоспособная демократия должна строиться снизу, в частности, в государстве, которое никогда до этого не было демократическим и правовым или в котором диктатура уничтожила подобные институты. Посредством местных выборов Евросоюз получит партнеров, пользующихся поддержкой населения. Если же пытаться выстраивать демократию «сверху вниз», проводя сначала выборы в парламент или конституционное собрание, старая или новая олигархия может попытаться захватить политическую власть. После этого государство будет уже служить не своему народу, а олигархии, а в худшем случае может вернуться к диктаторскому строю после того, как специализированные европейские силы будут выведены.

Такой подход немедленно дал бы иракскому населению, по крайней мере, местную администрацию, легитимную на большей части территории Ирака. Подобный сценарий был возможен на курдских и шиитских, а также некоторых суннитских территориях. Однако на деле было использовано другое решение. От военных подразделений, блестяще подготовленных для ведения боевых действий, но без какой-

либо полицейской подготовки, требовалось непосредственно по окончании боевых действий поддерживать законность и правопорядок в стране, в которой верховенство права было уничтожено много лет назад. В такой ситуации освободительная армия быстро превращается в оккупационную. Это, без сомнения, намного облегчило задачу по организации вооруженного сопротивления сторонникам прежнего диктаторского режима и другим экстремистским силам.

Помимо полного краха законности и правопорядка, мгновенно случившегося после освобождения Ирака, имелась еще одна причина стремительной потери доверия и симпатии к коалиционным силам, а именно их неспособность восстановить важные составляющие разрушенной инфраструктуры. На стадии планирования операции европейские специализированные силы в сотрудничестве с Соединенными Штатами могли провести сравнительное исследование состояния инфраструктуры, подсчитать ожидаемый ущерб от боевых действий, а также определить способы ее восстановления. Зачастую, приложив минимальные дополнительные усилия, возможно не только восполнить ущерб, причиненный военной операцией, но и улучшить инфраструктуру, как то: транспорт, сети связи, электро- и водоснабжение и т.д. Крайне важно заблаговременно планировать вопросы, связанные с проблемой беженцев, их обеспечением и размещением.

Объем привлечения местных компаний и местного труда также должен быть определен на стадии планирования. Чем быстрее местная экономика начнет расти, тем меньше будет угроза возникновения террористической сети или развязывания партизанской войны. Высокий уровень безработицы, особенно среди бывших военнослужащих (что было характерно для Ирака), играет на руку внутренним и зарубежным экстремистам в их стремлении отложить или даже предотвратить формирование экономически успешного демократиче-

ского правового государства, основанного на принципе верховенства права. Чтобы достичь успеха в военной операции, необходимо, чтобы население видело быстрые изменения по сравнению с той ситуацией, которая имелась во времена прежней диктатуры. Это возможно только в том случае, если с самого начала выстраивать структуру государства в соответствии с главами 10 и 11.

Перед проведением всеобщих выборов в парламент и формированием правительства специализированным европейским силам необходимо провести приватизацию государственных компаний, даже если такой шаг будет непопулярным в широких слоях общества. Средства, вырученные от продажи государственной собственности, должны быть направлены на финансирование пенсионной системы, как описано в главе 10.2, а не на погашение внешней задолженности. Любой, кто, ведя бизнес, сотрудничает с бесчеловечными диктаторскими режимами, должен осознавать, что такое предприятие весьма рискованно и долги могут быть не выплачены.

Ускоренная приватизация государственных предприятий, особенно в сфере инфраструктуры, важна и по другой причине. При диктаторских режимах (хотя, к сожалению, не только при них) государственные предприятия слишком часто используются для создания рабочих мест и привилегий для соратников диктаторов. Вдобавок ко всему, лишь в редких случаях их отличает качественное управление и модернизация, а потому их сохранение затруднит или даже сделает невозможным экономическое развитие. Если отложить приватизацию до окончания выборов в парламент и формирования правительства, существует опасность того, что сторонники старого диктаторского режима будут уволены из государственных предприятий, даже если они честны и обладают высокой квалификацией, а их место займут сторонники

нового правительства, которые могут оказаться ни честными, ни квалифицированными.

Проводить парламентские выборы и назначать высшее руководство страны имеет смысл лишь после того, как будут проведены выборы на местном уровне, местные администрации приступят к выполнению новых задач, а только что обученные местные полицейские силы и судьи будут наделены соответствующими полномочиями. До этого момента у власти должно находиться временное правительство, тесно взаимодействующее с ЕС.

Даже если бы предлагаемая модель была использована в Ираке, европейским полицейским подразделениям было бы весьма проблематично в рамках разумных финансовых и временных затрат восстановить законность и правопорядок в так называемом «Суннитском треугольнике». Как показывает опыт, организовывать теракты и партизанские вылазки в городах и на сложной местности гораздо проще при поддержке со стороны части местного населения. В такой ситуации наилучшей стратегией представляется изоляция региона и предотвращение распространения террористической активности на другие регионы. Конечно же, беженцы должны иметь возможность покинуть такой регион, а в сам регион может быть пропущена только гуманитарная помощь. Мобильные полицейские подразделения, оснащенные вертолетами, беспилотными самолетами наблюдения и другим высокотехнологичным оборудованием, должны быть в состоянии изолировать такие области при поддержке подразделений американских вооруженных сил. Шаг за шагом занимают зоны, которые легче контролировать, при этом изолируются различные центры террористической активности, и беженцам предоставляется возможность вернуться к местам проживания. Тем не менее для восстановления законности и правопорядка во всех регионах и проведения местных выборов потребуются время и терпение.

Было бы неправильным замедлять или прекращать развитие государства в направлении права и демократии только потому, что в одних регионах оно требует больше времени, чем в других. Так, если в течение определенного времени наведение порядка в части «Суннитского треугольника» не представлялось бы возможным, эту область следовало бы отделить от остальной территории Ирака. В более мирных частях страны надлежало бы провести парламентские выборы, назначить правительство. Таким образом, имела бы место поэтапная реализация концепции государства будущего с постепенным переходом к нему полномочий в области внешней политики и поддержания законности и правопорядка. Только после успешного окончания этого процесса возможны вывод Европейским союзом своих полицейских и судей из зоны операции и предоставление местным общинам права на самоопределение. В государстве будущего даже у курдских общин Ирака вряд ли будет достаточно причин требовать выхода из его состава, по большей части, потому что курды всегда имели сильное внутреннее разделение по политическим и другим вопросам. Многие курды могут испытывать опасения относительно создания националистического или социалистического Курдистана и в этой связи предпочтут остаться в составе государства будущего.

Политически и экономически состоявшийся Ирак, интегрированный в мировую экономику, член ЕЭЗ, мог бы выглядеть все более привлекательно для тех частей «Суннитского треугольника», в которых прежде такое было невозможно. Поддержка терроризма была бы снижена в результате неспособности сил сопротивления предложить какие-либо перспективы населению, всецело зависящему от внешней гуманитарной помощи.

Существует множество доводов в пользу того, чтобы еще до начала операции определить максимальные временные

рамки ее проведения. Основная проблема носит двойственный характер. С одной стороны, на построение современного демократического экономически развитого правового государства могут уйти годы, что описано в главах 10 и 11. С другой стороны, предложенное время не должно быть слишком долгим, поскольку такое решение создаст ряд дополнительных проблем, в частности:

1. Длительное вмешательство ослабляет прогрессивные политические силы и фактически превращает государство в колонию ЕС.
2. В отсутствие четко установленных временных границ, которые должны соблюдаться даже в случае неудачи, укрепляются антидемократические силы. Ряд государств – членов ЕС в свое время были колониальными империями, а потому могут быть снова обвинены в колониализме, даже если это необоснованно. Антидемократические силы постараются легитимировать себя, используя религию или идеологию, такую, как национализм.
3. Ограничение времени операции обяжет те политические силы, которые заинтересованы в поддержании государственности, взаимодействовать с Евросоюзом в процессе построения правового демократического государства, поскольку в противном случае вследствие права на самоопределение страна может расколоться.
4. Вмешательство, остающееся безуспешным на протяжении многих лет, лишает ЕС тех ресурсов, которые могли бы быть использованы с большей пользой. Более того, будет подорвана политическая поддержка аналогичных операций в будущем.

5. Даже неудавшаяся операция, осуществленная в заранее определенный срок, предоставляет возможность проанализировать ошибки, пересмотреть концепцию и сделать необходимые улучшения.

Если предположить, что Соединенные Штаты и Европейский союз предоставили необходимое количество живой силы и материального обеспечения, первая фаза любого вмешательства может быть завершена в течение четырех лет. Возвращаясь к примеру Ирака, 200 000 военнослужащих успешно осуществили бы чисто военный аспект операции. В дальнейшем 200 000 специалистов, предоставленных ЕС, могли бы обеспечить законность и правопорядок, обучить местную полицию и судей. Войска США могли бы быть выведены из наиболее спокойных регионов, в которых были бы проведены местные выборы, и переброшены в те области, где в результате нехватки безопасности местные выборы проведены не были. В течение четырех лет можно было бы восстановить разрушенную инфраструктуру и даже усовершенствовать ее с тем, чтобы приватизировать ее вместе с другими государственными предприятиями к концу четырехлетнего периода.

В случае успешного окончания первой фазы остающиеся войска США могли бы быть выведены, затем были бы проведены национальные парламентские выборы. Во второй фазе демократически легитимное правительство приступило бы совместно с ЕС к реализации плана построения государства, приносящего пользу всему населению, описанного в главах 10 и 11. По мере приближения к окончанию второй фазы операции населению предлагается возможность воспользоваться правом на самоопределение на местном уровне и выйти из состава федеративного государства. Если население в течение нескольких месяцев указанным правом не воспользовалось, Евросоюз может приступить к выводу полицейских

подразделений и судей, постепенно передавая полномочия по поддержанию законности и порядка новому, демократически легитимированному правительству.

Если же во второй фазе отдельные местные общины, города или регионы проголосуют за выход из состава федерации, такое решение необходимо уважать. Также возможно появление муниципалитетов и регионов, отрицающих фундаментальные принципы демократического правового государства и рыночной экономики. Такое желание тоже необходимо уважать, но при этом членство в ЕЭЗ будет невозможно. Также в подобной ситуации необходимо свернуть программы помощи ЕС и других организаций и государств, а и без того ограниченные ресурсы сконцентрировать на тех регионах, которые выражают готовность пойти по пути демократического правового государства и рыночной экономики.

Как и первая, вторая фаза должна закончиться в течение четырех лет. Результатом успешной операции должно стать возникновение одного или нескольких демократических государств, экономически интегрированных в ЕЭЗ и самостоятельно осуществляющих полномочия в сфере обеспечения внутренней безопасности. Внешнюю безопасность будут обеспечивать Соединенные Штаты или ЕС. Такие гарантии безопасности имели бы особенно большое значение в таком государстве, как Ирак, в случае его распада на курдскую, шиитскую и суннитскую части.

Если Евросоюз сможет реализовать вмешательство, подобное описанному, в течение ближайших нескольких лет, это будет означать крайне положительную динамику. Пример Боснии и Герцеговины, пусть в уменьшенном масштабе, географически ближе к ЕС и, к тому же, еще не вполне успешный, показывает результаты, которых можно достичь комбинированием военизированных и полицейских сил и

использованием возможности интеграции в ЕС. Последствия описанного вмешательства были бы таковы: народ «захваченного» государства счастлив, ООН довольна, а ЕС демонстрирует образец экономического и политического успеха.

Возможно, экономические содружества, такие как Североамериканская зона свободной торговли или Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, присоединятся к экономической «реконструкции» таких государств, предлагая им, прямо или косвенно, членство в соответствующих содружествах. Как показывает пример Княжества Лихтенштейн, членство в ЕЭЗ не исключает членства в других экономических содружествах, в которых на промышленную продукцию и услуги распространяются различные регуляторные режимы.

Тем не менее еще долго будут существовать государства, допускающие серьезные нарушения прав человека, но в отношении которых, по тем или иным причинам, невозможно проведение вооруженного вторжения. Так же, как прежде в случае с Советским Союзом, демократические государства будут вынуждены оставаться сторонними наблюдателями и пытаться предотвратить дальнейшее распространение подобных диктаторских режимов, нарушающих права человека.

В любом случае, остается надежда на то, что рано или поздно могут появиться лидеры, желающие осуществить коренные изменения, как это произошло в Советском Союзе. Моделей государства будущего, описанная в настоящей книге, предоставляет политическому руководству более широкие возможности для реформирования государства, а не его разрушения, как это случилось с реформами Горбачёва.

Возможно, предложенную модель государства легче реализовать в развивающихся государствах, чем в высокоразвитых странах Запада. Перенос европейской и американ-

ской моделей государства на страны третьего мира оказался, за редким исключением, не слишком успешным. Странам третьего мира практически нечего терять, а посредством введения предлагаемой модели они могут многого добиться.

Это не будет первым примером в мировой истории, когда менее развитые регионы мира обходили государства более развитых регионов посредством осуществления фундаментальных реформ и использования новой модели государства. Чего только стоят примеры Персии, Древней Греции, Римской империи и Европы второго тысячелетия или Соединенных Штатов и Японии в XIX и XX веках. В глобализированном мире третьего тысячелетия такие изменения, возможно, будут проходить намного быстрее и более мирно, чем в прошлом, в условиях, сравнимых со свободной конкуренцией компаний в глобальной рыночной экономике.



Перейти на сайт →